

Л. М. Бондарева

СПОСОБЫ ЭКСПЛИКАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ ГЕРМАНА ГЕССЕ

28

Отмечается значение автобиографической составляющей в сфере литературного творчества. Проводится лингвостилистический анализ текстов рассказов немецкого писателя Г. Гессе, в которых речевой субъект на основе личностной памяти реконструирует собственный прошлый опыт. Специальное внимание уделяется способам языковой актуализации воспроизведения информации о пережитом как элемента автобиографической памяти, а также особенностям вербализации процесса забывания. При этом в качестве подразумеваемых экспликаторов рассматривается ряд специфических стилистических и лексико-грамматических средств, функционирующих в текстах Г. Гессе.

The author explores the importance of the autobiographical component in literary works. The article offers a linguostylistic analysis of short stories by the German writer H. Hesse. In these stories, the writer reconstructs his past based on his memories. The article analyses methods of linguistic actualisation and reproduction of past experiences as an integral element of autobiographical memory and describes the verbalisation of obliviscence. The author holds that H. Hesse deliberately uses a number of stylistic, lexical and grammatical means as implied explicators.

Ключевые слова: автобиографическое начало, автобиографические тексты, реконструкция прошлого, память, воспоминание, припоминание, забывание, метафоры, лексико-грамматические средства.

Keywords: autobiographical component, autobiographical texts, reconstruction of the past, memory, reminiscence, obliviscence, metaphor, lexical and grammatical means.

Автобиографические мотивы по праву занимают важное место в творчестве многих писателей, поскольку структурирование любой художественной картины мира обусловлено особенностями индивидуальной картины мира мастера слова, в которой — в той или иной форме — находят свое отражение наиболее значимые факты и события его индивидуального прошлого опыта. Безусловно, степень актуализации автобиографического начала и сам характер его экспликации в художественном тексте зависят в полной мере от субъективно-личностных особенностей создателя литературного произведения. Однако наиболее яркое воплощение подразумеваемый феномен получает в условиях формирования определенного текстового континуума, в котором реконструкция автобиографического опыта является интенционально обусловленным действием писателя и, по сути, его единственной целью.



Следует подчеркнуть, что субстанциальным признаком подобной ментально-когнитивной деятельности речевого субъекта как инициатора литературной коммуникации является ее ретроспективная направленность, что дает основание причислять автобиографические произведения к текстам ретроспективного дискурса (подробнее о ретроспективном дискурсе см.: [2, 3]).

При этом важно, что вербализация собственного прошлого представляет собой не механическое копирование писателем отдельных фрагментов пережитого, а креативный акт их осмысления и переосмысления с позиций умудренного прошлым опытом и, чаще всего, достаточно зрелого «Я», пытающегося проследить закономерности формирования собственной «самости» в ее взаимодействии с окружающей действительностью и находящегося в момент порождения текста автобиографических воспоминаний в некоей «точке обсервации», по меткому выражению А. Галича [4].

Вполне понятно, что такая позиция полностью соответствует параметрам *Ich-Origo* — понятия, фигурирующего в концепции известного немецкого лингвиста К. Бюлера [6; см. также: 7] и подразумевающего фиксацию конкретного состояния речевого субъекта в момент совершения им конкретного речевого акта в данный конкретный момент и в данной конкретной точке пространства, то есть в условиях актуальных, «сиюминутных» локально-темпоральных координат.

Логично предположить, что подобная обусловленность автобиографического повествования присущими автору в момент создания собственного жизнеописания пространственно-временными координатами проявляется в первую очередь в факте зависимости писателя от специфики функционирования в данный период его личностной памяти. Это обстоятельство, а также цель и истинные причины создания автобиографии способствуют непроизвольному и, слишком часто, произвольному искажению субъектом воспоминаний изображаемых им событий и обстоятельств, что существенно снижает «градус» аутентичности реконструируемой в тексте прошлой действительности. Именно о таком «ферменте недостоверности», органически свойственном всем автобиографическим текстам, упоминает известный отечественный исследователь Л. Гинзбург [5].

Однако именно в силу своего неоднозначного характера и определяющей роли в процессе порождения и структурирования любого текста воспоминаний сама память, ее элементы и виды продолжают оставаться объектом обстоятельной интерпретации в произведениях авторов, реконструирующих собственный жизненный путь.

Заслуживающим внимания с данной точки зрения представляется творчество известного немецкого писателя XX в. Германа Гессе. Сразу следует упомянуть, что автобиографическая составляющая пронизывает практически все произведения этого писателя, причисляемого немецкими литературоведами одновременно к неоромантикам и символистам и противопоставляющего в своих книгах суровой прозе жизни светлый мир красоты и духовности.

Так, в романе *Unterm Rad* (1906), повествующем о нелегкой судьбе подростка Ганса Гибенрата, Г. Гессе с большой долей достоверности, как отмечает исследователь Г. Штольте, изображает моменты из соб-



ственной юности, сопряженные с тяжелыми психологическими проблемами [15, S. 123]. В романе *Steppenwolf* (1927), где в роли главного героя выступает «больной своим временем» одиночка Гарри Галлер, находят отражение душевные противоречия автора, также страстно пытавшегося вырваться из «загона вечно самодовольных» обывателей [14, S. 157], а историю кризиса своего супружества Г. Гессе хотел описать в романе *Rosshalde*.

В то же время правдивое и открыто декларируемое изображение фактов и событий из жизни писателя представлено в сборнике его рассказов *Bilderbuch der Erinnerungen*, где экспликация ретроспективной интенции автора осуществляется уже в сильной позиции, то есть в названии сборника, содержащем ключевую лексику *Erinnerungen*. Размышления Г. Гессе о силе и значимости в жизни каждого человека его прошлого опыта, в особенности впечатлений детских лет, содержатся в самом начале рассказа *Der Mohrle*, открывающего книгу воспоминаний писателя:

...noch immer ist die Vaterstadt für mich Vorbild, Urbild der Stadt... Lerne ich in der Fremde **Neues** kennen... so wird **das Neue** mir erst in dem Augenblick wirklich und voll **lebendig**, wo irgend etwas an ihm mich, sei es noch so leise und hauchdünn, an **das Dort und Damals erinnert** [11, S. 5].

Языковыми актуализаторами онтологически обусловленной семантической оппозиции «тогда – теперь», имеющей принципиальную значимость для текстов воспоминаний, служат в данном фрагменте лексемы *das Dort und Damals*, референциально соотносящиеся с осью прошлого, и *das Neue, lebendig*, маркирующие ось настоящего, релевантного для речевого субъекта. В качестве некоего «мостика», связующего две темпоральные оси, выступает, как совершенно очевидно, память автора, о чем свидетельствует функционирующий в примере глагол *erinnern* в значении «напоминать (кому-л. о чем-л.)» [1, с. 433], который относится к номинативному полю концепта «Память».

Безусловно, базовой лексемой для языковой актуализации *процесса воспроизведения информации* как одного из основных элементов автобиографической памяти служит глагол *sich erinnern* в значении «вспоминать (что-л., о чем-л.)» [1, с. 433], напр.:

Darum... will ich heute all der Vorgänger unsres schönen Hauses **mich erinnern**, ihr Bild in mir wachrufen und den Freunden von ihnen erzählen [9, S. 158];

Das Erlebnis, dessen ich **mich heute erinnere**, hat nicht einmal Minuten gedauert, nur Sekunden [12, S. 234].

В этом же значении в рассказах Г. Гессе употребляется глагол *gedenken*, напр.:

Wohl aber kann und muß ich bei unserm Einzug ins neue Haus jener anderen Häuser **gedenken**, welche in früheren Epochen meines Lebens mir Obdach geboten... haben [9, S. 158].



В роли контекстуального синонима к данным глаголам может функционировать глагол *einfallen*, имеющий в немецком языке прямое значение «приходить на ум (в голову)» [1, с. 389]:

Zuerst wußte ich nur, daß ich diesen Namen früher einmal oft gehört und selber gerufen habe. Dann **fiel** ein Herbsttag **mir ein**, an dem ich von jemand Äpfel geschenkt bekommen hatte [8, S. 18–19];

Dies ist das eine Bild, das mir bei dem alten Hause **einfällt** [9, S. 166].

Важно отметить, что нередко в качестве экспликаторов воспроизведения прошлой информации писатель использует метафоры, в состав которых входят глаголы различной семантики, обозначающие всякого рода активную деятельность самих «одушевленных» воспоминаний:

Zwei Bilder, zwei Erlebnisse **stehen** jedesmal scharf und wohlerhalten in meinem Gedächtnis **auf**, wenn ich an dies Haus und die ersten Gaienhofener Jahre erinnert werde [9, S. 166];

Merkwürdig freilich und unheimlich bleibt es immer, wie so ein Stück Leben einem entgleiten und wegsinken kann, wie auf der Tafel der Erinnerung die Augenblicke, Stunden, Tage und Jahre **wechself**, wie sie **launisch und unbeherrschbar erscheinen** und wieder **verschwinden**, viele für immer [13, S. 57].

Примечательно, что в последнем процитированном примере из рассказа *Eugen Siegel* автор фиксирует то обстоятельство, как отдельные моменты, часы, дни и годы из его жизни самопроизвольно появляются на «табло» воспоминаний, сменяют друг друга и вновь исчезают, причем многие факты пропадают навсегда. Языковая актуализация процесса стирания прошлой информации из сознания субъекта воспоминаний, что обусловлено забыванием как оборотной стороной памяти, то есть ее «нулевым» состоянием, осуществляется в результате функционирования в тексте глаголов с семантикой утраты, исчезновения чего-л., обладающих характерными префиксами *ver-* (*verschwinden*), *ent-* (*entgleiten*) и *weg-* (*wegsinken*).

Отдельного упоминания в этом смысле заслуживает текстовый фрагмент из рассказа Г. Гессе *Das erste Abenteuer*, в котором писатель вспоминает о своем первом романтическом любовном приключении. В самом начале рассказа в сильной позиции представлены рассуждения автора о прихотливости памяти, проявляющейся в неподвластных человеку процессах забывания и воспоминания. Маркерами процесса забывания в данном случае являются глаголы с соответствующими приставками *ver-* (*vergessen*, *verlorengehen*) и *ent-* (*entgleiten*), а также словосочетания *fremd werden* и *kaum wissen*:

Sonderbar, wie Erlebtes einem **fremd werden und entgleiten** kann! Ganze Jahre, mit tausend Erlebnissen, können einem **verlorengehen**... ich sehe Gymnasialisten und **weiß kaum** mehr, daß ich auch einmal einer war. Ich sehe Maschinenbauer in ihre Werkstätten... gehen und **habe vollkommen vergessen**, daß ich einst die gleichen Gänge tat... [10, S. 38].

В свою очередь, активный характер воспоминаний фиксируется в следующем абзаце рассказа в форме метафор, содержащих словосочетание *wieder da sein* и глагол (*vor mich*) *hintreten* с семантикой динамики.



Устойчивость и яркость воспоминания, о котором повествует автор, являются результатом работы визуальной памяти, о чем свидетельствует типичное для данной ситуации словосочетание *vor mir stehen*, усиленное определением *grell beleuchtet* и сравнением *wie ein Bühnenbild*:

Bis irgendeinmal auf einem Spaziergang... oder in einer schlaflosen Nachtstunde ein ganzes vergessenes Stück Leben **wieder da ist** und grell beleuchtet wie ein Bühnenbild **vor mir steht**, mit allen Kleinigkeiten... So ging es mir vorige Nacht. Ein Erlebnis **trat wieder vor mich hin**... [10, S. 38].

32

Вполне понятно, что воспроизведение информации о прошлом опыте обычно является процессом *вспоминания* речевым субъектом фактов и событий лично пережитого, однако этот процесс может носить произвольный и произвольный характер. При произвольном вспоминании отдельные детали прошлого сами «всплывают» в нашей памяти, то есть фиксируются в сознании в качестве конкретных визуальных образов, значительно реже в виде акустических эффектов, тактильных и прочих ощущений либо в их синтетическом состоянии.

Если же речь идет о произвольном вспоминании, то есть о процессе *припоминания*, то речевой субъект вынужден предпринимать специальные волевые усилия для извлечения из хранилища памяти тех специфических явлений и событий, которые он пытается восстановить и описать на страницах своих воспоминаний. Таким образом, в данном случае подразумевается определенный вид напряженной ментально-когнитивной деятельности автора, направленной на возможно более полную и адекватную реконструкцию пережитого. Для языковой актуализации процесса сложной мыслительной работы могут использоваться различные глаголы с семантикой упорной целенаправленной деятельности, а также глаголы, акцентирующие ретроспективную направленность такой работы сознания писателя, напр.:

...aber zuweilen, wenn es mir gegönnt ist, mit geschlossenen Augen **mich dahin zurückzufinden**, meine ich die Erde noch einmal mit Kindesaugen zu sehen... [8, S. 31].

В этом плане достаточно показательным является, например, автобиографический рассказ Г. Гессе *Eugen Siegel*, в котором импульсом к активному и усиленному припоминанию прошлого послужило полученное писателем известие о гибели на фронте во время Первой мировой войны еще одного из его бывших одноклассников. Автор сразу констатирует, что за прошедшие со времени обучения в школе почти четверть века все соответствующие события и связанные с ними люди, в частности фамилия и личность упомянутого в письме ученика, безвозвратно затерялись в «дыре памяти». Процесс забывания пережитого в юности маркируется в тексте конструкциями альтернативного характера с союзом *oder*, а также утверждениями, содержащими различные виды отрицания (*nicht, nein, keine*):

Am Nachmittag bekam ich eine Postkarte aus dem Felde. ...Ehe ich die Postkarte weglegte, blieb ich nochmals an der kleinen quergeschriebenen Nachschrift hängen... «Von unseren Schulkameraden aus G. ist neulich noch ein dritter ge-



fallen, Eugen Siegel». (Es konnte aber auch Singel, Seipel oder ähnlich heißen.) Ich wusste nicht recht damit Bescheid. ...Nein, ich hatte keine Erinnerung mehr an diesen gefallenen Seigel oder Seipel. Überhaupt, jene ganze Zeit... das lag alles seit vielen Jahren unberührt in einem Loch meines Gedächtnisses [13, S. 56].

Борьба с непокорной памятью начинается с мысленного принуждения автором самого себя (глагол *müssen*) справиться с поставленной задачей по восстановлению полностью забытого «куска» собственной жизни:

Ich muß sein Gesicht finden, seinen Namen herausbringen. Wenn er wirklich in meiner Klasse gewesen ist, **muß er ja zu finden sein** [13, S. 58].

Ментальная реконструкция пережитого начинается с визуализации субъектом воспоминаний классной комнаты и сидящих в ней учеников, причем «живой» характер этого процесса подчеркивает глагольная форма *praesens historicum*, внедряющаяся в претеритальный план ретроспективного повествования (*schließe, denke, sehe*). О сложности и неоднозначности указанной когнитивной деятельности свидетельствуют элементы автодиалога, репрезентированные отрицанием *nein* и вопросно-ответным единством, содержащим модальные операторы *einerlei* и *gewiß*:

Ich **schließe** die Augen und **denke** an die Schule in G. Ich **sehe** das Schulzimmer. ...Wir saßen in sechs, **nein** in acht Bänken, ich in der dritten. ...und ganz vorne in der Ecke der mit dem Bürstenkopf... **Wie hieß nur der? Einerlei, es fing gewiß nicht mit S. an** [13, S. 58].

Ключом к решению поставленной проблемы, заключающейся в идентификации образа одноклассника Ойгена Зигеля и припоминании его фамилии, становится акустическая ассоциация, возникающая в сознании автора в результате реконструкции соответствующего визуального ряда и представляющая собой шутивную рифмовку старого добродушного учителя:

Aber halt — Siegel! Siegel heißt er! ...Unbegreiflich, daß mir das nicht so gleich einfiel! Es war nicht der Bürstenkopf. Es war der Kleine, sehr Zierliche, Hübsche, der ganz hinten saß... und wenn der alte Rektor etwas von ihm wollte und grade guter Laune war, dann rief er ihm zu: «**Siegelein, Siegelein an der Wand, wer ist der Gescheitste im ganzen Land?**» Wie hatte ich das vergessen können! [13, S. 58].

Как очевидно, в текстах воспоминаний Г. Гессе находят свое полное и адекватное отражение особенности процесса воспроизведения прошлой информации как важного элемента автобиографической памяти писателя в форме вспоминания и припоминания, а также специфика различных степеней забывания этой информации. Экспликаторами функционирования механизмов личностной памяти автора становятся разнообразные стилистические и лексико-грамматические средства, включающие ядерный глагол номинативного поля концепта «память»



sich erinnern и его контекстуальные синонимы, метафоры, содержащие глаголы с семантикой активной физической деятельности, глаголы с семантикой утраты, исчезновения чего-либо, а также глагольную форму исторического настоящего, модальные слова, вопросительные и отрицательные конструкции как элементы автодиалога. Все указанные средства служат для акцентуации специфики ретроспективной ментально-когнитивной деятельности речевого субъекта, лежащей в основе порождения и структурирования любого текста воспоминаний.

Список литературы

34

1. *Большой немецко-русский словарь* : в 2 т. / сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева [и др.]. М., 1980. Т. 1.
2. *Бондарева Л.М.* Особенности реконструктивной деятельности профессионального писателя в условиях ретроспективного дискурса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2 : Филологические науки. С. 29–35.
3. *Бондарева Л.М.* К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. Вып. 2 : Сер. Филологические науки. С. 69–74.
4. *Галич А.А.* Украинская писательская мемуаристика (Природа, эволюция, поэтика) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1991.
5. *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1976.
6. *Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
7. *Hamburger K.* Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957.
8. *Hesse H.* Aus Kinderzeiten // Hesse H. Bilderbuch der Erinnerungen. Berlin ; Weimar, 1986. S. 14–32.
9. *Hesse H.* Beim Einzug in ein neues Haus // Ibid. S. 158–179.
10. *Hesse H.* Das erste Abenteuer // Ibid. S. 38–43.
11. *Hesse H.* Der Mohrle // Ibid. S. 5–10.
12. *Hesse H.* Erinnerung an Hans // Ibid. S. 233–282.
13. *Hesse H.* Eugen Siegel // Ibid. S. 56–64.
14. *Karell V., Keh H.* Geschichte der deutschen Literatur. Bamberg, 1974.
15. *Stolte H.* Kleines Lehrbuch der deutschen Literaturgeschichte. Hamburg, 1986.

Об авторе

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

The author

Prof. Lyudmila M. Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru